Дубинин Ю.В. А.А. Громыко и отечественная школа дипломатии / Ю.В. Дубинин // Международная жизнь. – 2009. – №7. – С.109-123.

Юрий Дубинин

А.А. Громыко и отечественная школа дипломатии

Юрий Владимирович Дубинин – заместитель министра иностранных дел России в 1994-1999 годах, заслуженный работник дипломатической службы России, профессор МГИМО (У) МИД России.

ФИГУРА А.А.ГРОМЫКО уникальна в истории международных отношений XX века. Начиная с 1943 года, когда он стал послом Советского Союза в США, и вплоть до 1986 года он находился в эпицентре дипломатических событий, формировавших мировую политику. При этом в течение 28 лет он был министром иностранных дел одной из супердержав двуполярного мира. Выполнить такую миссию мог только человек выдающихся качеств. Коснемся некоторых из них. Прежде всего главного, которое определяло лицо А.А.Громыко как дипломата и государственного деятеля. Поставим в связи с этим вопрос: прав ли был Запад, окрестивший А.А.Громыко "человеком Нет"? Обратимся к фактам.

Послом в США – государстве, которое было нашим главным союзником по антигитлеровской коалиции, – А.А.Громыко был в решающие годы Второй мировой войны. Это была высшая точка сотрудничества двух стран за более чем двухвековую историю их дипломатических отношений.

Более того. Это было время, когда при решающей роли Советского Союза и США закладывались основы послевоенного мироустройства. А.А.Громыко принимал участие в Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Англии, сыгравших ключевую роль в этом процессе. Особо следует выделить вклад А.А.Громыко в создание Организации Объединенных Наций. Он был главой делегации СССР на переговорах по разработке Устава этой организации и поставил свою подпись под этим документом. Сегодня ООН – несущая конструкция всей системы международных отношений.

А.А.Громыко стал одним из творцов политики разрядки международной напряженности. Вершина этой политики – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписанный в итоге его хельсинкский Заключительный акт. Разработка этого документа заняла без малого два года. Он наращивался по слову, по строчке. На стене кабинета А.А.Громыко в Москве висели бумажные ленты шириной в страницу. Отдельно для каждой из комиссий, которые в Женеве занимались разработкой текста. Эти ленты удлинялись по мере продвижения работы по составлению итогового документа. И каждая новая фраза рождалась как результат указаний или согласия А.А.Громыко. Хельсинкский Заключительный акт, его детище, принятый в 1975 году, стал новаторским документом, намного опередившим время и создавшим предпосылки для преодоления холодной войны.

Как представляется, даже сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: мог ли человек "нет", человек "отрицание" быть соучастником, а зачастую и мотором, такого рода дипломатических достижений? Разумеется, нет. Им мог быть только человек совсем других качеств. Человек творческого склада, нацеленный на конструктивность и сотрудничество. Может быть, человек "да"? – спросит читатель. Увы! Это был бы неправильный вывод. Человек "да" в дипломатии – явление по меньшей мере рискованное, во всяком случае, если желание угодить партнеру берет у него верх над трезвым анализом последствий его уступчивости для интересов страны.

Приведу пример, косвенно связанный с деятельностью А.А.Громыко. При разработке позиции Советского Союза в отношении подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе одним из главных вопросов был вопрос о порядке принятия на этом форуме решений. Вопрос ключевой для любых переговоров и деятельности любой международной организации. Вполне естественно, что А.А.Громыко уделил много внимания поиску наиболее адекватного для интересов нашей страны ответа на этот вопрос. На

нескольких совещаниях, в которых довелось участвовать и мне, прикидывались все мыслимые решения этого вопроса. Им могло быть правило принятия решений большинством государств-участников. Само это большинство могло быть простым или квалифицированным, сама квалификация большинства могла быть различной: две трети голосов или, скажем, три четверти и т. д. Но им могло бы быть и правило консенсуса. Согласно этому правилу, решение считается принятым только в том случае, если против него не высказывает возражений ни один из участников форума. А.А.Громыко тщательно взвешивал все "за" и "против" каждого из вариантов, все чаще повторяя, все еще колеблясь:

– Консенсус – трудное правило!

– Консенсус – хорошее правило!

– В конце концов на этом правиле он и остановился, и оно стало беспрекословным законом работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и всех его органов при решении всех вопросов, как вопросов существа, так и вопросов процедуры. Работать на основе этого правила действительно трудно. Вместе с тем оно заставляет всех участников форума добиваться такого глубокого учета взаимных интересов, который снимает возражения со стороны кого бы то ни было. Кроме того, это правило исключает возможность принятия форумом решения, ущемляющего интересы любого из его участников. По сути дела, этот вариант принятия решений придает переговорному процессу наибольшую демократичность, а достигаемым договоренностям – наибольшую авторитетность. На основе этого правила был разработан хельсинкский Заключительный акт, этим правилом руководствовались и в ходе мероприятий общеевропейского процесса после подписания Заключительного акта пока… Пока представителям западных стран не удалось пробить в таком правиле принятия решений брешь. Как бы в виде исключения. Применительно к работе отдельных создаваемых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе институтов, прежде всего Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), поощряя их к некоей "автономии", которая означает на практике подчинение этих институтов одной группе государств и приверженность ее идеологии, подрыв межгосударственного характера ОБСЕ. Последствия известны. Они – результат действия человека "да".

– Сделаем вывод: антиподом человеку "нет", человеку "отрицание", в дипломатии должен быть человек, который умеет сказать "нет", для того чтобы отвести то, что несет ущерб его стране, но способный при этом, не создавая тупика или противостояния, предложить какое-то иное, конструктивное решение. Речь идет о сочетании твердости и гибкости, о творческом подходе. Таким был Андрей Андреевич, и этому он учил молодых дипломатов. Когда он напутствовал меня, назначенного в 1980 году руководителем делегации СССР на подготовительной части Мадридской встречи государств – участников общеевропейского процесса, он был предельно краток: "Ваши партнеры, – сказал он, – могут выдвигать неприемлемые для нас предложения. Отводите их, но сразу же вносите свои предложения". В этом состояло в его понимании правило ведения переговоров, дипломатической деятельности вообще.

– Сумма дипломатических свершений А.А.Громыко огромна. Уровень его дипломатического мастерства исключителен. Он много сделал прежде всего для укрепления международных позиций Советского Союза: это при нем наша страна стала признанной супердержавой. Но он много сделал и для всего международного сообщества. Чем дольше он оставался руководителем внешнеполитического ведомства нашей страны, тем большим уважением он пользовался в мире и среди своих коллег. Один штрих к этому. Перед открытием ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН руководители делегаций государств-участников (это, как правило, министры иностранных дел), собираясь заблаговременно в зале заседаний, обычно подходят к своим коллегам, для того чтобы пожатием руки, кратким приветствием засвидетельствовать им свое почтение. У этой своеобразной церемонии нет ни правил, ни критериев. К одному министру могут подойти два-три коллеги, к другому – несколько, а к кому-то – ни одного. Что касается А.А.Громыко, то его появление на местах советской делегации, особенно в последние годы пребывания на посту министра иностранных

дел, вызывало повышенное движение в зале, и очередь тех коллег, кто считал непременным засвидетельствовать ему уважение, выстраивалась через весь огромный зал пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи. Это ли не демонстрация высочайшего международного авторитета А.А.Громыко!

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за дипломатическую службу нашей страны сполна легла на плечи А.А.Громыко, когда он стал министром иностранных дел. Случилось это в 1957 году. Через четыре года после смерти Сталина, то есть в начале новой эпохи в истории нашей страны, да и не только нашей страны. Внешняя политика Советского Союза приобретала новые измерения. Возрастал ее динамизм, множились контакты, выдвигались крупные инициативы, нацеленные на предотвращение войны, сброс напряженности, решение конфликтных ситуаций путем переговоров. Все это ставило перед Министерством иностранных дел новые масштабные задачи. Пути решения этих задач А.А.Громыко видел в наращивании профессионального мастерства наших дипломатических кадров и максимальной мобилизации творческих возможностей всего коллектива дипломатической службы, как говорится, от мала до велика, вовлечении в ответственную дипломатическую деятельность молодежи. Мне запомнилось, с какой настойчивостью он проводил эту мысль на одном из активов министерства. Обращаясь к руководящим работникам, он призывал их стимулировать инициативу всех, в том числе начинающих дипломатов, внимательно относиться к выдвигаемым ими предложениям.

– Если даже такие предложения не могут быть пущены в работу в том виде, в каком они формулируются их авторами, пусть это будет и второй, и третий секретарь, – говорил А.А.Громыко, – они могут нести в себе зародыш мысли, что-то новое, способное генерировать полезные инициативы.

Специальное внимание А.А.Громыко обратил на выпускников Московского государственного института международных отношений. Он первым из руководителей страны разглядел возможности этого молодого племени, вливавшегося в дипломатическую службу нашей страны после получения системной подготовки к международной деятельности – подготовки, которой до создания этого института в нашей стране не было. К 1957 году состоялось уже девять выпусков МГИМО, и в коридорах министерства мелькало все больше его питомцев. Старожилы окрестили их "молодыми", что отражало не справедливую на первых порах констатацию их возрастного положения, а скорее вопрос: посмотрим, посмотрим, что из вас получится? Подход А.А.Громыко был другим. Внимательно присматриваясь к этим "молодым", он стал все шире привлекать их к ответственной деятельности – вначале в центральном аппарате, а затем и за рубежом, активно продвигая по кадровой лестнице тех, кто этого заслуживал.

Одной из первых таких значительных мер стало назначение А.Ковалева и В.Фалина советниками министра. Они напрямую работали с А.А.Громыко, участвовали в составлении наиболее важных документов нашей дипломатии. Это был старт в их большой карьере.

Занялся А.А.Громыко и выдвижением профессионалов, то есть кадровых работников министерства, на высшие дипломатические должности за границей. Это была непростая задача. Послами Советского Союза, как правило, назначались партийные и государственные деятели, зачастую высокого ранга. Это были достойные люди. Но профессиональной подготовки им не хватало, и не всем из них удавалось преодолевать этот недостаток. А.А.Громыко, особенно на первых порах, пока он не стал членом Политбюро партии, приходилось прилагать немало усилий, чтобы назначать на такие должности своих кандидатов. Но он настойчиво проводил эту линию.

Что касается мгимовцев, то руководителем дипломатического представительства выпускник института был впервые назначен в 1965 году. Им стал Б.Я.Дорофеев. Он возглавил в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посланника миссию СССР в Новой Зеландии. Таким образом, движение к высшим заграничным постам началось для "молодых" с самой отдаленной точки дипломатического мира. Но уже через несколько лет В.М.Фалин будет выдвинут в 1971 году на пост посла в такой важной стране, как Федеративная Республика

Германия. Ю.М.Воронцов станет в 1977 году первым из мгимовцев послом в Индии, а в 1986-м автор этих строк будет первым представителем нашей страны при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности, а затем он в том же году станет первым из выпускников МГИМО послом СССР в США.

Замечу, при А.А.Громыко вырос и такой известный дипломат и журналист, как Б.Д.Пядышев, которому было суждено сменить А.А.Громыко на посту главного редактора журнала "Международная жизнь" и долгое время руководить этим престижным изданием, сохраняя традиции великого дипломата.

Начатая А.А.Громыко линия год от года получала все большее развитие. Ее результат на сегодняшний день впечатляет. По сведениям на начало 2008 года, послами нашей страны стали 537 мгимовцев. При этом 132 из них, то есть большинство российского посольского корпуса, в настоящее время являются действующими руководителями загранпредставительств Российской Федерации.

Активно выдвигал А.А.Громыко питомцев МГИМО и в руководители делегаций нашей страны на многих важнейших международных переговорах.

В центральном аппарате нашей дипломатической службы впервые на руководящую должность заместителя министра иностранных дел выпускник института был назначен в 1971 году. Это был А.Г.Ковалев. Но к началу 2008 года уже 44 мгимовца прошли через этот пост или занимают его в наши дни.

Выпускником МГИМО является и нынешний руководитель внешнеполитического ведомства нашей страны С.В.Лавров. Вклад А.А.Громыко в становление подлинно профессиональной дипломатии в нашей стране очень велик.

ВЫСОКУЮ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ и настойчивость А.А.Громыко проявлял не только в переговорах и контактах с представителями государств, но и в отстаивании своих взглядов в руководстве нашей страны. Сложности у него возникали главным образом с подразделениями Центрального комитета партии, занимавшимися международным коммунистическим движением. Обобщая, их можно было бы свести к вопросу о том, на какой основе следует строить внешнюю политику Советскому Союзу – на основе принципа пролетарского интернационализма или руководствуясь своими национальными интересами. Не знаю, выходили ли расхождения между А.А.Громыко и руководством Международного отдела ЦК КПСС на обсуждение самого этого исходного положения. Разногласия, которые я наблюдал, касались практических мероприятий, чаще всего связанных с нашей политикой в отношении Франции и Италии.

Спор по Франции возник при подготовке визита туда тогдашнего руководителя нашей страны Н.С.Хрущева. Этого визита очень хотел Президент Франции Генерал де Голль. Он предложил Н.С.Хрущеву грандиозную, больше – небывалую, для французской протокольной практики поездку по Франции. При этом предполагалось, что останавливаться Н.С.Хрущев в провинции должен был у префектов – представителей президента в департаментах, на которые разделена страна. Префекты же должны были устраивать и приемы в честь советского гостя.

Международный отдел ЦК КПСС, придавая подчеркнутое значение пропагандистской отдаче от визита, счел, что де Голль, превращая руководителя коммунистической страны в заложника государственных чиновников, каковыми были префекты, стремится ограничить возможности его общения с французским народом вообще и с Коммунистической партией Франции в частности. Он настаивал на том, чтобы мы отказались от размещения Н.С.Хрущева в префектурах и поставили бы вопрос о том, чтобы все приемы в его честь устраивали только выборные органы власти.

А.А.Громыко возражал. Он опасался, что наш отказ от предложений де Голля может испортить атмосферу визита или даже приведет к его отмене, что не будет отвечать нашим государственным интересам. Противостояние двух этих точек зрения было столь жестким, что было решено обратиться за советом к руководителю французской Коммунистической партии Морису Торезу, авторитет которого в Москве был очень высок. Морис Торез посоветовал без всяких оговорок принять предложение Президента Франции как выражение высшей формы

уважения к иностранному руководителю. Он пояснил при этом, что сам он, будучи сразу после освобождения Франции заместителем руководителя французского правительства, неоднократно останавливался в префектурах. Н.С.Хрущев ответил согласием на предложение де Голля. Визит прошел блестяще.

А.А.Громыко ценил, когда его подчиненные проявляли настойчивость, отстаивая свою точку зрения. Даже в тех случаях, когда она расходилась с его собственной. Качество не так часто встречающееся, но очень важное для эффективности работы любой структуры, в том числе и дипломатической службы.

В этой связи мне запомнился случай, связанный с его визитом в Испанию в 1985 году. Вот как обстояло дело. За год до этого состоялся официальный визит в нашу страну короля Испании Хуана Карлоса I. Он ознаменовал поворот в истории отношений наших стран. Визит короля открыл путь к развитию советско-испанских отношений и, в частности, к обмену визитами высших политических руководителей Советского Союза и Испании. С целью обсуждения таких перспектив и был приглашен А.А.Громыко в Мадрид. Испанцы проявляли к этому визиту подчеркнутый интерес. Я был в то время послом в Испании и все переговоры по подготовке визита проходили через меня. Испанцы дали согласие на предложенные нами даты визита (28 февраля-2 марта), хотя для этого им потребовалось внести коррективы в их дипломатический календарь. Оставалось обнародовать достигнутую договоренность. Мадрид просил нашего согласия сделать это как можно скорее.
В это время "прозвучал удар грома". Советника нашего посольства пригласили в МИД Испании и сообщили, что один из младших работников посольства должен покинуть Испанию в связи, как это принято говорить в подобных случаях, с действиями, несовместимыми со статусом дипломата. Правда, в отличие от стандартных сценариев для подобного рода операций испанцы выразили сожаление, что данную акцию приходится осуществлять в такой момент, когда обе стороны идут по пути укрепления диалога и взаимопонимания. Было также заявлено о стремлении руководства министерства сделать все возможное, чтобы этот инцидент не отразился на добрых отношениях между Советским Союзом и Испанией.

Наш советник, конечно, протестовал и сверх того заявил, что подобные действия даже помимо воли сторон могут иметь негативные последствия для отношений.
Событие было неприятным. Это понимало и руководство испанского МИД. Так бывает, когда в государственном аппарате сталкиваются противоречивые интересы и идет внутренняя борьба.

Не прошло и нескольких дней, как положение осложнилось. История с выдворением нашего дипломата заполонила испанские газеты. Мы заявили резкий протест как по существу случившегося, так и в связи с поднятой шумихой. Из Москвы был выслан кто-то из испанцев – это в рамках сложившейся практики. В испанском МИД нас убеждали, что утечка информации произошла помимо воли министерства. Вновь, с еще большей настойчивостью наши коллеги говорили нам, что не хотели бы, чтобы этот вопрос печально отразился на советско-испанских отношениях.

В подтверждение заинтересованности Испании в продвижении линии на развитие отношений с Советским Союзом председатель Сената Карвахаль сообщил мне в эти дни о решении кортесов пригласить в Испанию с официальным визитом делегацию Верховного Совета СССР – первую делегацию такого уровня.

Мы обо всем подробно информировали Москву. Москва молчала.

Вместе с тем все явственнее было видно, что тревога в испанском политическом руководстве за судьбу отношений с нами нарастает. Оснований для этого становилось все больше – Москва уже много дней не давала ответа на просьбу испанцев опубликовать сообщение о визите в Мадрид А.А.Громыко. Даже не получив такого ответа, испанцы сообщили мне 17 января, что председатель испанского правительства Фелипе Гонсалес предлагает встретиться с А.А.Громыко в первый же день его пребывания в испанской столице. Это была элегантная форма напоминания о том, что в Мадриде ждут ответа.
Москва по-прежнему молчала.

21 января на приеме для дипломатического корпуса разговор со мной об инциденте завел сам король.

– То, что произошло [он имел в виду высылку нашего дипломата], – сказал он, – вызывает озабоченность. Кому нужны такие операции! Они несут только ущерб. Пресса полна всяких спекуляций. Пишут кто во что горазд. Все это достойно сожаления.

Я, в свою очередь, ответил, что произошедшее входит в противоречие с общей атмосферой в отношениях между двумя странами, созданной визитом короля. Подчеркнул, что это не могло не вызвать тревогу и соответствующую реакцию в Москве. Дон Хуан Карлос отвечает:

– Я понимаю это.

И дальше:

– Я жду встречи с А.А.Громыко, откровенного разговора с ним. Это важно, даже если мы не во всем согласны друг с другом и будем прямо говорить об этом.

Дон Хуан Карлос поясняет:

– В Испании дорожат хорошими отношениями с Советским Союзом и заинтересованы в их развитии.

Итак, на первый план, как и во многих других острых моментах наших отношений, вышел король. И снова с прямой, четкой и конструктивной постановкой вопроса, продиктованной национальными и международными интересами Испании.

Казалось, чего же больше? Однако Мадрид делает еще один крупный шаг. В тот же день меня принимает Фелипе Гонсалес. У меня было поручение проинформировать его об итогах встречи А.А.Громыко с Дж.Шульцем, состоявшейся в Женеве 7-8 января. Однако беседа обставляется атрибутами, призванными подчеркнуть ее особенно дружественный характер. На беседе присутствует министр иностранных дел. Причем Ф.Моран встречает меня в приемной председателя правительства, и мы пьем с ним чай в ожидании беседы с Ф.Гонсалесом.

Во время встречи Ф.Гонсалес выражает признательность за подробную информацию о столь важном для международной жизни контакте, как встреча руководителей внешнеполитических ведомств СССР и США.

– Мы понимаем, – говорит он, – значение, которое Советский Союз придает вопросу о недопущении милитаризации космического пространства [именно об этом шла речь в Женеве]. У США, – добавляет собеседник, – конечно, другие приоритеты. Затем он выделяет мысль о том, что Испания в меру своих возможностей будет вносить активный вклад в развитие этого процесса.

И наконец, председатель правительства подчеркивает главный с точки зрения злободневности элемент беседы.

– В этом плане [то есть в плане обсуждения ключевой проблемы международной обстановки], – резюмирует он, – мы придаем особое значение предстоящему визиту А.А.Громыко.

Не ему, политическому руководителю страны, вновь спрашивать меня, когда Москва даст согласие на сообщение об этом визите, но значение, которое придается Мадридом тому, чтобы этот визит состоялся, он выразил предельно ясно.

– Мы вырабатываем, – продолжает Ф.Гонсалес, – особый статус Испании в НАТО, предусматривающий неучастие страны в интегрированной военной системе союза. Тем самым Испания будет свободна от автоматического следования блоковой политике и будет иметь возможность действовать самостоятельно.

– Это у нас твердая линия, – заостряет мысль руководитель правительства и добавляет, что Испания будет страной, свободной от ядерного оружия, в том числе и в таком измерении этой проблемы, как недопущение его транзита через свою территорию. Далее председатель правительства сформулировал курс испанского правительства в отношении Советского Союза.

– Испания, – заявил он, – намерена продолжать линию на развитие отношений с Советским Союзом и чувствует себя в этой области в наилучшем положении по сравнению с другими западноевропейскими странами. Между Испанией и Советским Союзом нет каких-либо спорных проблем. Испанское правительство положительно оценивает то, что было сделано за последние два года. Особое значение имеют контакты на высоком уровне, и в

первую очередь визит в Советский Союз короля. Можно сказать, что для Испании этот визит оказался более важным, чем даже установление дипломатических отношений. Положительное влияние визита короля, – подчеркивает он, – будет еще многие годы сказываться на развитии отношений двух стран.

В конце беседы председатель правительства вновь возвращается к самому актуальному практическому вопросу – вопросу о визите А.Громыко.

– Мы ждем этого визита, – напрямую заявил он. – Мы хотим конкретно изложить соображения испанского руководства относительно того, как мы видим реальные внешнеполитические возможности Испании и тот вклад, который она может внести в дело улучшения международного климата, возвращения к политике разрядки.

Таким образом, визит нашего министра Ф.Гонсалес связывает с намерением провести небывалый до сих пор по откровенности обмен мнениями о широких горизонтах испанской политики, начать с Советским Союзом доверительный диалог по ключевым для международных дел проблемам. Правильным представляется и выбор собеседника для этих целей – А.Громыко. В силу многих обстоятельств, немаловажным среди которых являлось быстро ухудшавшееся здоровье К.Черненко, А.Громыко играл все более крупную роль в определении внешней политики Советского Союза.
Я окрылен огромным дипломатическим багажом, полученным в течение всего-навсего одного дня – 21 января. В Москву отправлены подробные отчеты, и я пребываю в добром расположении духа и уверенности, что теперь ответ насчет обнародования дат визита А.Громыко в Испанию придет быстро и он, конечно же, не может быть никаким иным, кроме как положительным.

Но Москва продолжает молчать.

А спустя неделю, 29 января, я получаю телеграмму совсем иного содержания. "Вам следует, – пишут оттуда, – прибыть в Москву на один-два дня для того, чтобы посоветоваться по вопросу о визите в Испанию". Подпись А.Громыко. Вот так новость!

"Что же тут необычного?" – спросит читатель. Да то, что не принято было в те времена вызывать послов для совета по подобным вопросам, и со мною никогда такого не бывало. Не принято было и подобные телеграммы подписывать самому министру: по установившейся практике он ставил подпись только под ключевыми установками, исходившими от руководства страны, или в каких-то специальных случаях.

Значит, решил я, дело как раз и идет о случае специальном, и проложив быстрейший авиамаршрут в Москву, я был там уже на следующий день. Прошелся по кабинетам. Как это ни удивительно, никто, в том числе и на уровне заместителей министра, ничего не знал не только о том, какой у меня может быть разговор с А.Громыко, но даже о факте вызова. Старший помощник министра сказал лишь, что телеграмму мне писал сам министр. Впрочем, министром я был принят в рекордно короткий срок. Вместе с ним был его заместитель Н.Рыжов.

Первая фраза А.Громыко звучит мягко. Он благодарит за то, что я так быстро добрался до Москвы. Продолжает он тоже ровным, спокойным голосом, и это делает особенно значимым содержание его слов.

– Принято решение, – заявляет А.Громыко, – визит в Испанию отложить. Мы пригласили вас посоветоваться насчет того, как лучше объяснить это испанцам. По телеграфу всего не скажешь и как следует не обсудишь.

Министр умолк. Я ошеломлен. "Принято решение" повторилось как эхо в моем сознании. Так говорили о решениях Политбюро. То есть о самых высоких решениях. Эти решения не только не оспаривались, но и не подлежали обсуждению. Они выполнялись. Но начинать разговор о том, как объяснять наш отказ от визита, у меня не было никакого желания. Вместо этого я выразил непонимание такого решения.

– Как это вы не понимаете? – встрепенулся министр. – А выдворение советского дипломата – это вам не причина?

Министр встал с кресла и бросил на меня жесткий взгляд.

– Что же они говорят нам одно, а делают другое!

Я был не готов к такому повороту разговора и попытался выйти из положения за счет ссылок на то, что подобные казусы бывали, иногда и не без причины, и что наша реакция не должна переходить за рамки соразмерности. Но это вызвало у А.Громыко уже нескрываемое раздражение.

– Выходит, они выставляют нашего работника, не проходит и пары месяцев – и я в Мадриде! Как это выглядит с точки зрения достоинства государства?

Я, однако, оправился от первой неожиданности и решил твердо настаивать на своем. Напомнив министру о последних беседах, я сказал, что фактически испанцы принесли нам извинения на самом высоком уровне, а это вещь беспрецедентная.

Вроде бы, это произвело на А.А.Громыко большое впечатление, но никак не решающее. Видимо, инцидент был болезненно воспринят пострадавшей силовой структурой, а во главе ее – тоже член Политбюро, как и А.А.Громыко, и на нашего министра крепко давят.

– Дипломатические разговоры, – бросил он мне, – ведутся за закрытыми дверями, а действия видят все.

Тогда я перешел к самому главному, на мой взгляд, – к логике развития отношений с Испанией. Вскользь упомянул, что курс этот определен решениями Политбюро. С нажимом сказал, что его визит становится непременным этапом движения вперед и если мы отложим его, то не просто остановим раскручивание спирали, но и поставим себя в положение, когда спустя какое-то время нам придется уже самим искать возможности для создания новой динамики движения вперед.

Министр сел, задумался. Я задел чувствительную область. Во-первых, такой подход понятен ему как дипломату. Во-вторых, что еще важнее, это та сфера, за которую он нес личную ответственность. В случае просчета – ему же и исправлять.

Чем больше длилось молчание, тем больше возрастала у меня надежда на успех.

Словно вспомнив о Рыжове, в течение всей дискуссии хранившего молчание, нагнув голову к столу, министр обратился к нему:

– Вот тут Дубинин уже полчаса читает нам лекцию. Что делать?

Я насторожился, хотя чувство подсказывало мне – дело сделано. А.А.Громыко, конечно, передумал, но искал дополнительной опоры, чтобы прямо сказать об этом.

– Надо лететь, Андрей Андреевич, – сказал Рыжов. Правильно сказал.

– Скажите испанцам, что мы согласны объявить, что визит состоится в те даты, о которых договорились. До свидания.

– Хорошо, полетим, Дубинин, – заключил А.А.Громыко.

Я выходил из кабинета как после тяжелого экзамена. Но еще не было конца дипломатическим приключениям перед прилетом А.А.Громыко в Мадрид.

15 февраля в испанской печати промелькнуло сообщение о том, что из Испании по обвинению в шпионаже были выдворены два американских гражданина. Один из них – второй секретарь посольства США в Мадриде, а другой – гражданский работник американской военно-воздушной базы в Торрехоне, также имевший дипломатический паспорт. Краткое сообщение сразу же приобрело характер сенсации. Писали, что случаи выдворения американцев бывали и раньше, но их никогда не предавали огласке. Теперь же случившееся приобрело характер дипломатического инцидента. Комментаторы связывали действия испанского правительства с растущим раздражением Мадрида систематическим нарушением американцами норм и традиций дипломатического общения.

17 февраля о высылке американских граждан было объявлено официально. Это подтвердил и сам Фелипе Гонсалес. В явно официозных пояснениях в средствах массовой информации говорилось, что американцы были задержаны в момент, когда занимались недозволенной деятельностью в непосредственной близости от резиденции председателя испанского правительства – Монклоа. Стремясь смягчить последствия скандала, посольство США в специальной ноте постаралось убедить испанское правительство, что задержанные американцы действовали без разрешения и не имея на то инструкций своего правительства. Однако сбить волну негодования не удалось. Средства массовой информации изливали потоки возмущения. Раздавались даже голоса с требованием поставить вопрос об отзыве

американского посла Т.Эндерса. Особую пикантность ситуации придавало то, что за несколько дней до инцидента было объявлено о намеченном на начало мая визите в Испанию Президента США Р.Рейгана.

На следующий день, 18 февраля, я посетил Ф.Морана и дал ему согласие на опубликование сообщения о том, что визит А.А.Громыко состоится с 28 февраля по 2 марта. 21 февраля такое сообщение было обнародовано.

Визит А.А.Громыко прошел весьма успешно и открыл путь к посещению Советского Союза Ф.Гонсалесом, а затем и М.Горбачевым Испании.

В 1987 ГОДУ СОСТОЯЛСЯ первый официальный визит М.Горбачева в Соединенные Штаты Америки. Без преувеличений, это было крупнейшее событие глобального значения. Советский Союз еще прочно стоял на ногах. Москва выступала в роли инициатора глубоких перемен в международной политике. Визит в Вашингтон, его результаты отвечали ожиданиям мировой общественности. Там был подписан договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, намечены пути ускорения переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Я занимал в то время пост посла Советского Союза в США и вместе со всем коллективом нашего вашингтонского посольства участвовал в длительной и многоплановой подготовке и проведении визита.

В Москве было много волнений насчет того, как все будет организовано, как пройдет. Мы в посольстве остро ощущали это.

Прошел визит блестяще. Весь состав нашего посольства, каждый дипломат, каждый сотрудник технических служб, работал с огромным подъемом. Во всех нас жила большая надежда, вера в то, что мир идет к чему-то новому и страна наша – во главе этого движения. Работа спорилась, и все положенное нам было выполнено превосходно. На заседании Коллегии МИД, где разбирались итоги визита, было заявлено: "Теперь у нас появился эталон проведения такого рода больших визитов". Многочисленная группа работников, имевших отношение к проведению визита, и в Москве, и в посольстве была награждена орденами. Был награжден и я.

Когда, спустя несколько месяцев, я оказался в Москве, мне был задан вопрос, смогу ли я через пару дней прийти в Президиум Верховного Совета СССР для получения награды. При этом было названо и точное время. Я ответил, что, разумеется, буду. Такое оповещение было обычной практикой. Несколько необычным было то, что на следующий день звонок ко мне с тем же вопросом повторился. Я снова сказал, что буду, но не преминул заметить, что ведь все было условлено еще накануне. На это мне пояснили, что уточняют по прямому указанию А.А.Громыко, который в то время был Председателем Президиума Верховного Совета. "Причем тут ссылка на такое высокое лицо? – мелькнуло у меня в голове. – Обычно оргдела улаживают помощники".

Все прояснилось на следующий день. Оказавшись в приемной в Кремле, я нашел там полный состав ответственных работников аппарата Президиума Верховного Совета – его секретаря, заведующих отделами и т.д., но не увидел никого, кому собирались вручать ордена. Вместе с тем награжденных обычно собирали в группы по несколько человек. На мой недоуменный вопрос по этому поводу последовал ответ: сегодня орден будет вручаться только вам одному.

В назначенное время двери, ведущие в зал, открылись. Это был хорошо знакомый мне Зал вручения верительных грамот послами иностранных государств. С противоположного конца зала в него вошел А.А.Громыко, и мы с ним сошлись, двигаясь навстречу друг другу, в самом центре, как сходятся при церемонии вручения верительных грамот тот, кто выступал в Советском Союзе в роли главы государства, то есть Председатель Президиума Верховного Совета, и иностранный посол. Сошлись, поздоровались и стали друг против друга на том хорошо известном нам обоим расстоянии, которое должно оставаться при церемонии вручения верительных грамот.

Мне приходилось не раз до этого получать награды в Кремле, но всегда это было в другом

месте, все было не так, как на этот раз, и я ориентировался по обстановке, не очень представляя, что будет дальше. Неожиданно А.А.Громыко начал произносить речь. Большую. Он сказал добрые слова о том, что я много лет занимался Францией и другими международными делами. Затем выделил главное. А это главное состояло в том, что, по его оценке, особой страницей в моей профессиональной биографии была работа в Испании. На эту тему он говорил долго и подробно, подчеркивал, что в Мадрид я приехал в самом начале отношений с этой страной и их перспективы были не ясны, а уехал оттуда, когда советско-испанские отношения достигли высокой степени развития. А.А.Громыко сказал и о работе в Соединенных Штатах со всем уважением к моей миссии в Вашингтоне, но вновь возвратился к испанской странице. "Именно работа в Испании, – заявил он, – открыла вам путь к другим дипломатическим поручениям, в том числе и за океаном". В общем, Испания, Испания и Испания. Она была стержнем всего сказанного А.А.Громыко.

После вручения ордена А.А.Громыко пригласил меня на беседу, которая тоже была отмечена печатью личного внимания, подарил книгу своих воспоминаний.

Я немало лет проработал в достаточно близком контакте с А.А.Громыко, но этот контакт всегда оставался деловым: я никогда не входил в число приближенных к нему людей, да и не стремился к этому с учетом разницы и в возрасте, и в положении. В работе с ним у меня бывали всякие ситуации, в том числе и такие, когда приходилось с большой настойчивостью отстаивать свою точку зрения. Быть может, работая послом в Испании, это случалось делать чаще, чем при других обстоятельствах, но все это были обычные будни.

Я видел, что к моей работе А.А.Громыко вроде бы относился одобрительно. Но эта специально устроенная церемония не могла не произвести большого впечатления. Ее мог продумать и так организовать только А.А.Громыко лично.

А.А.ГРОМЫКО был человеком широких и разнообразных интересов. Его увлечения простирались от охоты до живописи. Он был ученым, хорошо знал нашу литературу и особенно историю.

Ему бросали упрек в том, что он мало улыбался. Действительно, ему было свойственно строгое выражение лица. Оно практически не менялось ни при каких обстоятельствах его публичной деятельности. Быть может, он полагал, что невозмутимый вид создавал наилучший фон для дипломата и государственного деятеля, поскольку требовал от окружающих судить о политике его государства не по тому, что могло читаться по его лицу, а по тому, что он говорит.

Однако за таким внешним обликом, больше всего предназначенным для внешнего потребления, был человек широкой гаммы чувств. Он был требовательным, но внимательным к людям. Умел оценить и качество кулинарного искусства, и достоинства хорошего вина. Он ценил шутку и был находчив в состязании в остроумии. Один из его помощников, Ю.М.Соколов, побывавший в дальнейшем послом в Новой Зеландии, рассказал в своих воспоминаниях о задокументированном обмене остротами между А.А.Громыко и Г.Киссинджером. Последний, рассматривая красивые люстры в Кремле, спросил, правда ли, что их повесил еще Иван Грозный. А.А.Громыко ответил ему в тон, что Иван Грозный установил только кондиционеры*.

Таким образом, и в этом виде состязания с крупнейшим западным дипломатом современности верх был за Андреем Андреевичем.

Когда в 1986 году А.А.Громыко покидал Министерство иностранных дел, внешняя политика нашей страны находилась на подъеме. Он оставил своему преемнику одну из самых лучших дипломатических служб мира, укомплектованную высокопрофессиональными кадрами.

*См:. Вспоминают выпускники 1956 года. М., 2006. С. 241.